

Игорь ШУМЕЙКО

ВОЕННЫЙ МОДЕРН ПЕТРА ПЕРВОГО

Царей России революционные демократы часто сравнивали с фараонами, подчеркивая их самовластье и капризы (пирамиды долгое время были примером «бесцельности рабского труда»). Царя Петра, следуя этой революционной традиции, я бы сравнил с фараоном Хеопсом... имея в виду величину возведенной над его могилой «пирамиды критики». С разных, порой противоположных точек зрения критиковали Петра славянофилы и советские историки «школы Покровского». И без опоры на какие-либо теоретические основания особенно яростно проклинали его Иван Солоневич и нынешние авторы вроде Буровского¹.

Но в исторически краткий промежуток, когда «школа Покровского» была развенчана, а Карамзин и Соловьев еще не реабилитированы, простое, суровое слово правды дошло наконец и до советских школьных программ: «Допетровская Россия стояла на грани потери государственной независимости». В упомянутой «пирамиде» критики на тезис «Петр решил проблему сохранения суверенитета России» найдутся ответы на любой вкус. Например:

1) «Нет, не решил» (Солоневич), 2) «Проблемы такой не было» (славянофилы).

Насколько же реальна была угроза утраты Россией государственной независимости? Без признания серьезности такой угрозы история петровских репрессий явилась бы окончательным и справедливым приговором первому императору: нацию, покорно склонившуюся перед жестокими и «бессмысленными» действиями царя, можно было считать лишь толпой жалких рабов.

Европа — Азия (необходимая предыстория)

Об удивительном факте — появлении в Европе полков «нового строя», *удесятеривших* удельную их боеспособность относительно азиатских или европейских традиционных армий, — в России узнали во второй половине XVI века. И модернизация армии стала главной целью, почти наваждением для русских правителей.

Было бы ошибкой объяснять превосходство новых европейских армий исключительно техническим превосходством в вооружении. Русский посланник в Китае Нико-

---

Игорь Николаевич Шумейко родился в 1957 году. Писатель, поэт, сценарист, лауреат нескольких премий, в том числе петербургских: «Александр Невский» (2012) и «Лучшая публикация журнала „Нева“» (2013). Роман «Вещество веры» («Нева», 2013, № 9), финалист премии «Независимой газеты» — «Нонконформизм-2014». Живет в Москве.

¹ Адольф Гитлер для советских историков 1940-х годов — более приемлемый, достойный персонаж, нежели «проклятый император». Так называется и книга А. Буровского о Петре, где главный тезис «Деятельность Петра — лишь имитация деятельности государственного человека» подтверждается «психиатрическим обследованием» Петра с предсказуемым результатом.

лай Спафарий в книге «Какая природа китайцев и каковы природные их обычаи и к чему наиболее склонны» (1678) начинает с античности:

Что в древних книгах писал Аристотель про асиадцких народов, что асиадцкие *разумнее* суть европейских народов, а европейские народы в воинских дълехъ гораздо храбрѣйшии суть нежели асиадцкие. Также нынѣ же суть рѣчи и про китайцев, который есть народ асиадцкой... в дълехъ воинскихъ китайцы пред европейскими, будто жены против мужей. А что в разумъ гораздо превосходятъ, потому что зъло востроумны.

Первое достоверно описанное столкновение европейской и азиатской армий: Марафон, ясное утро европейской цивилизации. Держа в руках практически *одно и то же оружие*, 11 000 греков побеждают 60 000 персов. В дальнейшем самый знаменитый из учеников Аристотеля закрепил такую пропорцию победы: при Иссе Александр Македонский с 35 000 разгромил Дария с его 120 000. (Тогда же обнаружилась тенденция: лучше всех в персидском войске воюют греческие наемники.) В знаменитой битве при Гавгамелах 47 000 греко-македонцев Александра противостояла персидская армия, численностью близкая к азиатской бесконечности, почти абсурдной: автор «Похода Александра» Арриан насчитал у Дария миллион человек пехоты, 40 000 конницы, 200 колесниц и 15 слонов.

График европейско-азиатского военного противостояния — отнюдь не прямая линия. Перевес, достигнутый греческой и римской цивилизациями, сократился к моменту кризиса античности и достиг равенства в период крестовых походов.

Затем дисциплина и технологичность снова вывели Европу вперед. Порох, как известно, изобрели китайцы. Что они использовали его лишь для развлечения, в частности для фейерверков, — популярное заблуждение. В китайской, а позже и в монгольской армии применялись *огневые копы* (ружья), гранаты, боевые ракеты. С началом века колонизации европейцы вернули себе военное преимущество.

Из опыта египетской кампании Наполеон вынес весьма недооцененное, заслоненное его европейскими походами наблюдение: «Один француз в изолированной схватке *всегда проигрывал* одному мамелюку. Пятеро французов пяти мамелюкам — никогда. 20 французов (взвод) легко побеждали 40—60 мамелюков. 100 французов (рота) всегда побеждала 500—600 мамелюков. Французский полк (1500 человек) — побеждал 8000 мамелюков».

В Битве при пирамидах (1799) 20 000 французов легко разгромили 60 000 мамелюков.

В чем суть этой лестницы сопоставлений? «Отдельно взятый» мамелюк, дальний социальный родственник янычара, подобно ему, с детства обучен стрелять, махать ятаганом... Вся его жизнь — боевая, но азиатская, индивидуальная тренировка. Француз (крестьянин, городской пролетарий, короче, *санкюлот*) взял в руки оружие в возрасте, когда его визави уже лет 10—15 отмахал ятаганом. Далее дело решала организация, дисциплина, тактика — тот самый победительный «новый строй».

Часто повторяют: Европа раскрывает человеческие индивидуальности — Азия их нивелирует. Но — парадокс! — в сражениях именно азиаты оставались *человеками* с человеческими слабостями, а европейцы делались машиной, единым механизмом. Македонская фаланга — хороший зримый пример такой неуязвимой машины. Сражения против многократно превосходящих ее по численности армий фаланга часто завершала, не потеряв ни одного человека. И, заметим, не имея никакого технического превосходства в вооружении: те же самые копы, мечи, щиты!

Некоторые знатоки объясняют успех македонцев тем, что их копы (сариссы) были-де длиннее персидских, достигая 6 метров, и, выставленные сквозь ряды, умножа-

ли силу удара первой шеренги. Но в этом нет никакого *технологического* превосходства! Выстругать, приладить шестиметровые древки к своим копьям персы (азиаты) могли за день. Но обрести психологическую устойчивость, научиться слушать и выполнять команды, проделывать сложные перестроения в фаланге азиаты не смогли и за сотни лет.

Со временем родилось обобщение: «Азиатская битва — первый грозный наскок с мыслью, кличем: *Бегите, или мы побежим!*» Азиат на поле боя оставался человеком, отсюда и первый яростный порыв, а естественный человеческий страх потом. А дисциплина, машинная муштра нового европейского солдата вывела за скобки вопрос его *личной* храбрости или трусости.

Подавляющего *технологического* превосходства Европа достигла лишь во второй трети XIX века, когда появились нарезные, скорострельные ружья, пушки, бронированные пароходы, пулеметы. Картина сражений кардинально изменилась: англичанин, спокойно лежащий у пулемета перед растущей горой тел восставших суданцев с копьями, ружьями в руках...

Но возможно, и эта картинка далеко не последняя в калейдоскопе военной истории. А что если в безрелигиозном западном обществе будет окончательно утрачен изначальный импульс к принятию дисциплины, *самоограничения*, как раз и обеспечивавший долгое время военное могущество... Картинка сражения может напомнить тогда и герберт-уэллсовскую «Битву миров»: студенистый, медузообразный командир всемогущего, с лазерами, химоружием, марсианского самоходного треножника... беспомощно падает из-за пульта управления, сраженный легкой «инфлюэнцей».

Намек россиянам

Кроме битвы при Марафоне 12 сентября 490 года до н. э., есть более исторически близкие и актуальные примеры по нашей теме. Скажем, знаменитая Битва при Плессе (23 июня 1757 года), навсегда изменившая историю Индии. У англичан под командованием Клайва было 910 солдат + 2000 обученных сипаев и 8 пушек. У индийцев под началом бенгальского наваба Сирадж-уд-Даула 50 000 солдат и 50 пушек. В итоге сокрушительный разгром индийцев, «*деморализация, раскол правящей элиты, общая внутренняя смута*» и... 200 лет английского господства.

Но соотношение числа участников битв новых/традиционных армий определяют не все. Важнейшим показателем являются потери. В битве, решившей участь Индии, индийцы потеряли 500 человек на поле боя и остальную армию в ходе преследования. Англичане же — *7 (семь!) своих солдат и 16 сипаев*. Вот та редко вспоминаемая пропорция, ставшая базисом, необходимым условием колонизации Индии и всего мира. Будь потери сторон хоть в какой-то мере сопоставимы, разве могла Британия покорить столь удаленную страну, двадцатикратно превосходящую ее по численности населения?

«Исходник» Петра и «рекорд» Романовых

Итоги первых двух веков правления Романовых: Россия с *предпоследнего* места в Европе вышла на первое. Когда едва не погибшая в Смуте Россия с первым Романовым, Михаилом Федоровичем, только отползала от края пропасти, в Европе шла Тридцатилетняя война (1618—1648). Особенность ее заключалась не только в тотальности (например, Германия и Чехия потеряли примерно $\frac{3}{4}$ населения). Особая, столь ужаснувшая выживших война и закончилась по-особому: *Вестфальский мир 1648-го* впервые утвердил понятие *государственных суверенитетов* (ранее субъектами считались мо-

нархи, династии). С точки зрения международного права мы до сих пор живем в *Вестфальской системе*².

Россия того периода платила Швеции территориями, поставками по льготным ценам хлеба и селитры за защиту от Польши. И хотя поляки в составе Габсбургской коалиции потерпели в Тридцатилетней войне крупное поражение, Россия, внутри той войны, *проиграла проигравшим*: в войне с поляками за Смоленск (1632—1634) русская армия практически исчезла, главком князь Шеин был судим и казнен.

Непосредственное отношение к рекорду Романовых имеет та часть Вестфальского трактата, где Европа впервые в истории была *кодифицирована*: страны, обладатели признанного государственного суверенитета, впервые были учтены и записаны в порядке убывания международного влияния. То был первый европейский рейтинг, причем составленный не журналистами, не «экспертным сообществом», а самими государствами, точнее, их армиями. Собственно, за место в рейтинге и шла война.

И в европейском рейтинге 1648 года Россия стояла на... *предпоследнем* месте. Последним шло княжество Трансильвания... И это не было результатом происков русофобских «партнеров», а завершением самой страшной войны в истории, конструированием новой модели международных отношений.

А второй точкой замера можно считать Венский конгресс 1814 года, где европейское первенство России было бесспорно. Средством достижения того единственного в европейской истории «рекорда» стала новая, петровская армия.

Полки «иноземного строя» — предмет вождения русских правительств с конца XVI века. Так, Карамзин о победе войск Бориса Годунова над армией Самозванца при Добрыничах писал: «Борис затрепетал от радости; велел петь благодарственные молебны, звонить в колокола, представить народу трофеи. Но говорили... победили случайно, *не устояли бы без слепого остервенения Немцев*».

Иностранцы наемники становились защитой от внешних угроз и фактором внутренней политики. Наступал «бунташный век»: твердость, дисциплина и превосходящая боеспособность «немцев» была очевидна не сегодняшним русофобам, а тогдашним *русским* правителям. Дошло ведь до оплаты частями российской территории шведам за защиту от поляков.

Известный Иван Посошков писал о допетровской армии: «У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели, боронились ручным боем, копьями и бердышами... и на боях меняли своих голов по три по четыре на одну неприятельскую голову».

Социальное, слишком социальное (о необходимой глубине перемен)

Для чего мы вспомнили античность, те шестиметровые македонские сариссы, может понять цитата из труда историка и философа Арнольда Тойнби:

Начиная с 17 века на Западе происходил непрерывный прогресс технологии, развитие которой представляло вызов остальному большинству человечества. У него не было другого выбора, кроме освоения западной технологии или подчинения державам, владевшим ею. Россия, столкнувшись с такой проблемой, первая решила сохранить свою независимость, приняв широкую программу технологического преобразования на западный лад... Пионером решения задачи был Петр Великий. Счастье России, что Петр оказался прирожденным технократом, который обладал диктаторской властью московского царя...

² Иногда уточняют: Версальская 1918-го и Ялтинская 1945-го системы международных отношений — модификации Вестфальской системы 1648-го.

Уточним: «западные технологии» — не столько технологии оружейников, сколько социальные технологии, в первую очередь дисциплина. Это ответ 200-летнему плачу славянофилов: «Ну, закупил бы Петр западное оружие, ну даже нанял бы военспецов, но зачем ломать уклад русской жизни, психологию?»

Понять всю пропасть меж двух культур, кроме военной статистики, поможет выразительная деталь. По новому военному уставу Петра офицер в бою должен заколоть своего солдата, самовольно закричавшего «Ура!». Не «*Караул! Бежим!*», а «*Ура!*». То и другое с точки зрения строгой целесообразности просто вопль, мешающий другим солдатам *расслышать слова команд*. Полное молчание — вот идеальная требуемая реакция. Только в определенный момент, когда офицер крикнет «Ура!», солдаты обязаны разом подхватить его клич.

Если вдуматься, тут действует железная логика, понятная, например, театральному режиссеру: долго сдерживаемая эмоция, получив выход на фоне тишины, а не «птичьего базара», действует сильнее. Любой психолог подтвердит: самовольным «Ура!» кто-то, возможно, заглушал свой страх, и соседям в строю это было понятно, а страх бывает заразен. Следовательно, «боевой» клич не выполнял важную *коммуникативную функцию*.

Казавшиеся славянофилам бессмысленным «мучительством россиян» указы и уставы Петра получили весомые исторические оправдания. Действуя по этому же уставу, армия Петра, хотя и через 11 лет после его кончины, взяла штурмом Бахчисарай, столицу крымцев, от которых прошлая армия отсиживалась за стенами Москвы, теряя по 200 000 «полونا»...

В сражении при Асландузе (1809) генерал Котляревский разбил 15-кратно превосходящих по численности персов, имевших *английские ружья и артиллерию*. Сто с лишним лет грузины, спасенные в той битве как нация, любовались в Тбилиси на выставленные в качестве экспонатов трофейные пушки с литыми надписями: «*От Короля (Англии) — Шахиншаху*».

Показатель пропорций потерь новой русской армии тоже впечатлял. Румянцев при Кагуле потерял 353 убитыми, турки — 3000 плюс 5000 пленными на поле боя, при преследовании еще 7300. Примерно 1:40.

Утро стрелецкой казни и ночь стрелецкого бунта

Более неожиданной предстает роль петровской армии в конце «бунташного века», но прежде стоит вспомнить И. Л. Солоневича, наиболее талантливого из критиков Петра. В своей книге «Народная монархия» он писал:

Узнав о приближении восемнадцатилетнего мальчишки Карла с восемью тысячами, Петр повторяет свой испытанный прием: покидает нарвскую армию, как одиннадцать лет тому назад покинул свои потешные войска, а потешных у него по тем временам бывало до *тридцати тысяч*. София же сконцентрировала против них *триста* стрельцов...

Россия разбила Швецию не благодаря Петру, а несмотря на Петра, разбила та старомосковская конница, которую Петр, слава Богу, не успел, в помощь Швеции, разгромить сам. Петр только портил все, что технически можно было портить. История СССР пишет: «Петр преградил путь Левенгаупту при деревне Лесной»... Дорогу Левенгаупту преградил не Петр, а Шереметьев. И вовсе не петровскими войсками, а старомосковской «дворянской конницей», той самой, которой, как огня, боялся Карл еще под Нарвой. Эта же старомосковская конница, под командой того же Шереметьева, уже дважды была шведские войска: под Эрестдорфом в 1701 г., при Гуммельсдорфе

в 1702 г. Дворянская конница, никак не загнипнотизированная, подобно Петру, шведской непобедимостью, показала всем, в том числе и петровской армии, что и шведов можно бить.

Но есть же подробное описание: «*Нарвская операция*» («Военный сборник», 1872, № 7, с. 5—8). Генерал-майор Андрей Петров, военный историк, которому дела нет до антипетровских комплексов, спокойно фиксирует: «Главный виновник нарвского разгрома — дворянская конница Шереметева».

И далее... «бессмысленно жестокий» Петр понял причину: виновата низкая боеспособность «старомосковской конницы». И Шереметев не оказался на плахе, как главным раставшей под Смоленском в 1634 году старой армии Михаил Шеин. С 1701 года Шереметев — главнокомандующий в Эстляндии. И его дальнейшие победы никто не отрицает. Но... Солоневич следит по карте Северной войны за стрелками, видит «Шереметев», значит, «старомосковская конница», будто вечно к нему приклеенная...

Между тем Нарва стала последним позором той пресловутой старой конницы. На следующий год Шереметев получил другую армию.

А уж Битва при Лесной в интерпретации Солоневича — верх антипетровского помысла. Не перестаешь удивляться, как можно было так запредельно перевернуть досконально изученную битву, словно это какая-то Атлантида, Гиперборея, земля Туле...

Сражались у Лесной пересчитанные *до человека* Семеновский, Преображенский, Астраханский пехотные полки и драгуны. Под руководством царя Петра Алексеевича Романова (1672—1725), а не *царя Салтана или Гороха!* И сражались не с кентаврами, амазонками, песьеглавыми великанами, а с 16 000 шведов генерала Левенгаупта.

И столь одиозная фантастика, сравнимая разве что с теорией плоской Земли, практически не опровергается — это говорит о давней недооценке военного аспекта истории, в частности боевой статистики как лучшего аргумента.

Петровская армия решила не только внешнеполитические проблемы России, существенно недооценена ее роль и в обретении внутреннего спокойствия. Обратимся еще раз к мнению Солоневича: «*Потешных у Петра бывало до тридцати тысяч, София же сконцентрировала против них триста стрельцов*».

«Потешных» было строго два полка, Преображенский и Семеновский, всего 4000 человек. Прямое, непосредственное их столкновение со стрельцами было один только раз. Петр в Голландии. Стрельцы, по обычаю, взбунтовались. Далее приведем архивные выписки А. С. Пушкина, готовившего роман о Петре:

Беспокойства усилились. Наконец 4 полка: Чубаров, Колзаков, Гундемарков и Чернов (по другим известиям 12 полков), стоявшие в Великих Луках и по границе литовской, свергнув начальников, избрав новых, пошли к Москве, надеясь возмутить и тамошних стрельцов... Разбитие стрельцов происходило 18-го июня у Воскресенского монастыря. Мятежники, не внемля увещаниям, пошли на войско, состоявшее из 2000 пехоты. Генералы, думая их утешить, повелели стрелять выше голов.... Те закричали, что сам Бог не допускает оружие еретическому вредить православным, и с распущенными знаменами бросились вперед. Их встретили картечью, и они не устояли. 4000 положено на месте и в преследовании. Прочие бросили оружие и просили помилования.

Да, «Утро стрелецкой казни» — гениальная трагическая картина. А как предыдущая? Ночь стрелецкого бунта? Вот как его описал Костомаров:

Стрельцы схватились за оружие, огромная толпа со знаменами и барабанным боем бросилась с криками в Кремль. В Кремле стояло много боярских карет. Стрельцы напали на кучеров, побили их, перерубили лошадям ноги и бросились на дворец. Стрельцы вопили:

«Давайте сюда губителей царских. Нарышкиных! Они задушили царевича Ивана Алексеевича!» Царица Наталья, взяв за руки царевичей Петра и Ивана, в сопровождении патриарха и бояр вышла па Красное крыльцо.

Патриарх сошел было с лестницы и стал уговаривать мятежников, но они закричали ему:

— Не требуем совета ни от кого; пришло время разобратъ, кто нам надобен!

Мимо патриарха вломились на крыльцо. Долгорукий прикрикнул было на стрельцов — его сбросили с крыльца на расставленные копья, изрубили в куски; бросились на Матвеева. Князь Черкасский стал отбивать Матвеева у стрельцов, повалил его на землю, лег на него, закрыв собою. Стрельцы избили Черкасского, вытащили из-под него Матвеева и сбросили на копья. Первою жертвою во дворце были отставленный стрелецкий начальник Горюшкин и Юренив, которые вздумали было защищать вход во дворец. Но главною целью поисков мятежников были Нарышкины...

...Думного дьяка Ларионова рассекли на части, ограбили его дом, нашли у него каракатицу, которую он держал в виде редкости.

— Это змея, — кричали стрельцы, — этою змеею он отравил царя Федора. Убили сына Ларионова Василия за то, что знал про змею у отца и не донес.

Другие стрельцы поймали в Кремле князя Григория Ромодановского с сыном Андреем. Истязали старика, рвали ему волосы и бороду.

— Помнишь, — кричали, — какие ты нам обиды творил под Чигирином, голодом нас морил, сдал Чигирин туркам изменою.

Бросились в дом князя Юрия Долгорукого извиняться, что убили его сына Михаила. Напились боярского меду и вина и ушли со двора, но за ними вслед побежал холоп князя Долгорукого и донес, что он сказал своей невестке, жене убитого Михаила:

— Не плачь, шуку съели, да зубы остались; скоро придется им сидеть на зубцах Белого и Земляного города.

Услышавши это, стрельцы вернулись, схватили больного старика, изрубили, выбросили за ворота на навозную кучу, сверх трупа наложили соленой рыбы и приговаривали

— Ешь, князь! Это тебе за то, что наше добро ел.

Стрелецкое возмущение повлекло за собою другие смуты, взбунтовались боярские холопы. Царевна Софья призвала к себе выборных стрельцов и объявила, что назначает на каждого стрельца по десяти рублей. Эта сумма, независимо от обыкновенного жалованья, идущего стрельцам, будет собрана с крестьян имений церковных и приказных людей. Сверх того стрельцам предоставлено было продавать имущество убитых и сосланных ими лиц.

Софья наименовала стрельцов «надворною пехотою», уговаривала более никого не убивать и оставаться спокойными...

Годовое содержание стрельца при Алексее Михайловиче — 3–5 рублей. Правда, подразумевалось, что они доберут свое «малым бизнесом», для чего получали солидные преференции: купцы вечно жаловались, что с торгашами-стрельцами трудно конкурировать по причине многих льгот.

То есть вырванный у Софьи приз за «Битву при Кремле 1682» равен двухлетнему содержанию. Абсолютно беспомощные перед внешними противниками, стрельцы присвоили военный бюджет России. (Связь трусости и садизма хорошо известна психологам.) Право «продажи имущества убитых» тоже говорит о качестве той «армии»...

И те же самые люди, вытряхнутые из красивых старомосковских мундиров, по настоящему обученные, стали победителями лучшей в мире армии, которую раньше случалось нанимать для защиты страны, — шведской.

«Те же самые» не только в смысле «те же русские»! Те же *фактически, то есть бывшие стрельцы*, кто помоложе, успели после кремлевской оргии выучиться на солдат, стать героями Полтавы, Гангута. Работа с таким наследием старомосковской Руси — историческая заслуга Петра Великого. Он не льстил россиянам, но видел их потенциал, лучшие качества, которым дал раскрыться. Повторим и прокомментируем слова Арнольда Тойнби: «Развитие (технологии) представляло вызов остальному большинству человечества. Россия, столкнувшись с такой проблемой, первая решила сохранить свою независимость».

Еще в 1551 году, через 60 лет после покорения Америки, на знаменитом *Вальядолидском диспуте* сторонники Хуана де Сепульведы настаивали на отсутствии у индейцев разума, души, утверждая, что они вообще не являются потомками «нашего Адама». А предъявляемые оппонентами как доказательства города (!) ацтеков, инков, майя считали *«построенными по инстинкту, как у муравьев и термитов»*. Страшно даже предстать, за кого бы они приняли сибирских родственников индейцев, живших не в ацтекских городах, а в чумах, юртах, ярангах!

На карте мира среди колоний и полуколоний оставалась единственная не тронутая геноцидом и работорговлей полоса — Россия. Петровская Россия исполнила исторический долг и перед 200 народами севера Евразии.

Продолжение спора. В мире горнем

«Проклятым» оказался не только император, но и его главное детище — Петербург. Знаменитое пророчество *«Петербургу быть пусту!»* и обстоятельства его изречения и болезненного припоминания покажут сущность личности не только Петра, но и нас, наследников его империи.

С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» пишет, что предсказание отставной царицы Евдокии Лопухиной «Месту сему быть пусту» было упомянуто и ее сыном царевичем Алексеем на допросе.

Но... вспомнили о нем только — и это примечательно — в Серебряном веке.

И царицей Авдотьей заклятый, / Достоевский и бесноватый / Город в свой уходил туман (Ахматова «Поэма без героя»). Д. С. Мережковский назвал свое эссе так: «Петербургу быть пусту». О том же писал и Максимилиан Волошин. Процитируем «советского графа» Алексея Толстого: «Дьячок увидел кикимору, испугался, кричал в кабаке: „Петербургу быть пусту“». О проклятии города писал и Н. В. Устрялов в своей «Судьбе Петербурга» (1918).

Интеллектуалы, старомосковские жрецы толковали о справедливой «реакции народа на жертвы Северной войны и строительство столицы», и спорить о жертвах и результатах петровских реформ можно до бесконечности. Интереснее сопоставить, точнее, противопоставить их оценки.

Василий Суриков писал: «Я когда „Стрельцов“ писал — ужаснейшие сны видел: каждую ночь во сне казни видел. Кровью кругом пахнет. Боялся ночей. Проснешься и обрадуешься. Посмотришь на картину. Слава Богу, никакого этого ужаса в ней нет». «Московские ведомости» критиковали художника: «Можно думать, что Суриков не на стороне Петра», но Суриков, несмотря на тяжелые воспоминания, все же — на стороне Петра.

Мусоргский, автор «Хованщины», переживал столь же мучительно сделанный тяжелый выбор. «Хованщина» посвящена второму восстанию стрельцов, случившемуся позже оргии, описанной Костомаровым. А после третьего стрелецкого бунта наступило... «Утро стрелецкой казни»...

Это Серебряный век, ухватившись за пророчество Евдокии и воспевая усталость народа от жертв, от цивилизации, петербургской или любой другой, готовил городу тяжкое звание «колыбели революции»... А гениальный Пушкин, трезво описавший абсолютное военное ничтожество стрельцов перед преображенцами, к «проклятому месту» обращался со словами: *«Люблю тебя, Петра творенье... Люблю, военная столица, / Твоей твердыни дым и гром»*.

Так немолимо и закономерно упомянутая пирамида критики и лжи, воздвигнутая над могилой Петра Великого, оборачивается... терриконом — отвалом пустой породы. Славянофильские и прочие проклятия, обрушившиеся на Петра, — вина не Петра, а, скорее, болезнь критикующих и проклиняющих, некий ментальный дефект, разлучающий их с реальностью.

Апофеозом темы «Петербург против святой Руси», безусловно, является блаженная Ксения *Петербургская*. С ее появлением традиция старомосковских блаженных и юродивых не прервалась, а кое-что из записанного о блаженной Ксении должно примирить, даже умирить проклинавших Петербург... «Строители церкви на Смоленском кладбище замечали, возвращаясь утром: ночью кто-то, им в помощь, поднимал кирпичи на верхние этажи. Проследив однажды, застали блаженную Ксению, с молитвами всю ночь носившую кирпичи».

Одна из самых почитаемых русских святых занята на строительстве Петербурга! Это не бормотание кикимор, навьи чары, шептанье на воду...

А если вспомнить героическую историю Петербурга, то можно предположить, что проклятие давно обрело иной смысл: *«Петербургу быть пусто... от захватчиков!»* Это единственная из русских столиц, в отличие от Новгорода, Киева, Владимира, даже Москвы, оставшаяся неприступной, ни разу не взятая врагом.